

„Раннее Утро,“ гор. Москва.

1910 г. 16 февраля.

На могилу Ком- миссаржевской.

Намъ сообщаютъ по телефону изъ Петербурга:

„14 февраля въ Театральномъ клубѣ была совершена панихида по скончавшемся почетномъ членѣ клуба В. Ѳ. Коммиссаржевской. Два клубныхъ зала едва вмѣстили всѣхъ собравшихся. По окончаніи панихиды группа артистовъ окружила генерала для порученій при министрѣ внутр. дѣлъ Слезкина и выразила ему глубокое сожалѣніе по поводу того, что преосвященный Гермогенъ саратовскій не разрѣшилъ служить панихиду по В. Ѳ.

— Я зналъ Вѣрочку, — сказалъ генераль, — еще маленькой дѣвочкой въ ея родной семьѣ, въ Вильнѣ. Затѣмъ хорошо помню ея успѣхи на сценѣ виленскаго театра, президентомъ котораго я былъ, когда Вѣрочка начала свою артистическую карьеру. Я и г-жа Оржевская привезли въ Вильну бывшаго директора Императорскихъ театровъ Всеволожскаго, и онъ, увидавъ ея игру, сейчасъ-же предложилъ ей перейти на Императорскую сцену. Оттуда ее отпустили, сдѣлавъ тѣмъ громадную ошибку для русскаго театра. Въ лицѣ В. Ѳ. русскій театръ потерялъ мировую величину. Всѣмъ великимъ людямъ принято ставить послѣ смерти памятники. Для русскаго театра В. Ѳ. была великимъ человекомъ, а потому вполне достойно, чтобы на сборъ пожертвованій среди ея почитателей былъ сооруженъ ей памятникъ.

Далѣе генер. Слезкинъ сказалъ, по словамъ „Пет. Г.“, что онъ съ удивленіемъ прочелъ въ газетахъ сообщеніе о томъ, что епископъ Гермогенъ отказалъ въ совершеніи панихиды по В. Ѳ.

— Я испросилъ аудіенцію у П. А. Столыпина, — сказалъ генераль. — Какъ православный христіанинъ, я долженъ сказать, что ни одинъ священнослужитель не имѣетъ права отказывать въ совершеніи панихиды“.